

КАК РУССКИЙ ЛЕН СТАЛ ФРАНЦУЗСКИМ

Раньше льняная одежда была крестьянской, нынче стала барской

• ТЕКСТ | Татьяна ХМЕЛЬНИК

В сентябре прошлого года в Мюнхене прошла международная выставка тканей MunichFabricStart. Российская «Группа «Линум» оказалась там в одиночестве: не было не только других производителей льняных тканей, но и других российских компаний. Такая уникальность — это хорошо или плохо?

Много лет подряд существует всероссийская выставка «Русский лен». Бывший министр сельского хозяйства РФ Алексей Гордеев всегда положительно отзывался о ней, считая, что реанимировать традиционное русское льноводство не только можно, но и должно. Однако, несмотря на внимание к исконно русской культуре, положение в отечественном льноводстве оставляет желать лучшего: оно, практически исчезнувшее за время перестройки, так и не восстановилось. Льнозаводы разрушены или переделаны, механизмы сданы в металлолом, семенной фонд очень невелик, бывшие льняные поля либо пустуют, либо отданы под другие культуры. И получается, что страна, где льноводство испокон веку было национальным промыслом, получает льняные изделия и ткани из-за границы.

По словам президента компании «Доминион», входящей в «Группу «Линум», Николая Алексова, лучший в мире лен производят страны, которые никак нельзя назвать аграрными, — Франция, Бельгия и Голландия. Франция выращивает лен, а в ткань его превращает уже Италия, она же шьет. Именно поэтому изделия из льна

так дороги. Любопытно, что Франция обязана своим льняным процветанием Наполеону. Когда из-за проблем с Египтом страна лишилась поставок хлопка, Наполеон приказал развивать льноводство, поэтому крестьянам и ремесленникам стало экономически выгодно этим заниматься, площади посевов стали стремительно увеличиваться, а технология неустанно совершенствовалась.

Понемногу растут лен и в некоторых странах Восточной Европы, занялись им и в Китае, но китайцы никак не могут приспособить северное растение к своему климату, поэтому оно не балует их урожаем. Впрочем, именно китайский лен служит официальным пугалом для многих российских областей. Предыдущий губернатор Псковской области Михаил Кузнецов так прямо и говорил: «Зачем заниматься убыточным льном, когда у китайцев все равно его будет больше и он обойдется дешевле?». У псковичей даже существовала программа «Синий лен», но она оказалась провальной — вероятно, прежде всего из-за нежелания заниматься этой культурой, а не из-за плохого климата или каких-то других



• **Льнозаводы разрушены или переделаны, механизмы сданы в металлолом, семенной фонд очень невелик, бывшие льняные поля либо пустуют, либо отданы под другие культуры**

ные показатели. Льноводство может быть прибыльным, если оно сконцентрировано компактно, и расчеты показали, что для этого в одном месте должно быть не меньше 300–500 гектаров, чтобы комплект оборудования для возделывания льна использовался наиболее эффективно.

Мы изучили опыт Франции, Голландии, Бельгии и поняли, что льном нужно заниматься специально. На Западе фермер, если выращивает именно лен, он может, страхуя себя, производить еще и пшеницу, и овес, но лен у него занимает от 30 до 70% в товарном производстве. У нас не так: в 90 льносеющих хозяйствах занимаются именно льном меньше всего, там занимаются в том числе и льном, как бы между прочим, сеют по 50–70 гектаров, кто-то — даже 300 гектаров, но при этом удельный вес товарной продукции от производства льна в общем объеме товарной продукции составляет от 0,5% до 3–4,5%. Потому что в первую очередь у них — животноводство, овощи, картошка, пшеница, что-то еще. А лен — на последнем месте, и внимание ему — по остаточному принципу.

Впрочем, этому есть причины. Всегда ведь трагично и время свое, и деньги, и ответственность на самое главное. Поэтому в концепции заложено, что вокруг упомянутых четырех льнозаводов необходимо построить — как на Западе — специализированные предприятия по производству и выращиванию льна.

Вот есть фермер, ему принадлежат, скажем, 1,5 тысячи гектаров, и он хочет заниматься льном. Ему будет оказана помощь в получении комплекта оборудования для возделывания льна, будет заключен соответствующий контракт, эти контракты должны быть застрахованы. В Вологодской области есть два льнокомбината — «Вологодский текстиль» и бывший Красавинский, сегодня — «Вологодский лен». Красавинский комбинат последние годы лихорадило, он практически не работал, но сейчас, после процедуры банкротства, стал собственностью правительства Вологды. По сути, создано новое предприятие, потому что никто другой не выдерживал, три собственника подряд не потянули! А «Вологодский текстиль» принадлежит нам — компании «Доминион» (70% акций), но в составе акционеров пакет имеет правительство области и правительство города.

Да, в России всегда занимались льном. Но старыми методами делать это уже нельзя. Николай Валентинович, текстильщик по профессии, рассказал, что технология очень сложна. Поле под эту культуру должно быть особым образом подготовлено. Семена — только первой-второй репродукции (иначе получится негодный товар). Лен, идущий на волокно, вырывают с корнем и оставляют лежать в поле, чтобы под воздействием бактерий начала разрушаться наружная оболочка стебля. Этот полуфабрикат называется «треста». Потом тресту везут на льнозавод, где отделяют длинное

причин. Сейчас о льне на Псковщине даже не упоминают — других проблем хватает.

Действительно, заниматься льноводством сложно. Это такая отрасль, которая требует много вложений, а отдача идет не сразу. Только Вологодская область пошла на риск — на уровне администрации была разработана программа реанимации льноводства при поддержке петербургского бизнеса. По словам Алексова, там была, прежде всего, заинтересованность руководства области: **губернатор Вячеслав Позгалев** оказался «фанатом» льна, понимая, что это один из брендов региона.

— Наша программа развития льняного комплекса Вологодской области учитывает ранее принятую концепцию «коридорного развития», — рассказывает Николай Алексов. — В этих рамках мы определили четыре основные зоны, где сконцентрировано возделывание льна. В Вологде собираемся увеличивать посевные площади до 12 тысяч гектаров, а когда-то там сеяли и 25, и 30 тысяч, в последнее же время — не больше 7,5 тысяч. Но увеличение площадей — не самоцель, и в Вологде это поняли. Главное — получить качествен-



• Если в России на тонну убранной тресты приходится 70–80 кг длинного волокна, то во Франции, Бельгии и Голландии получают вдвое больше

волокно от короткого. Длинное — это и есть сырье для льнокомбинатов, где делают нити. Короткое волокно — это, практически, отходы, но их всегда больше, чем длинных волокон. Куда его девать, чтобы приспособить к делу, а не выкинуть — большой вопрос. Раньше из него делали веревки, мешковину, но теперь полиэтилен вытеснил естественные материалы, и отходы льна снова оказались не нужны. На самом деле из них можно делать хлопчатобумажную ткань — использовать как заменитель хлопка, который у нас весь импортный. Но для этого нужно соответствующее оборудование и... востребованность! Как ни печально, но текстильная промышленность в Петербурге разрушилась одной из первых...

К сожалению, стебель льна — это не сплошное волокно, так уж распорядилась природа. Но если в России на тонну убранной тресты приходится 70–80 кг длинного волокна (и это считается очень хорошим урожаем), то во Франции, Бельгии и Голландии получают вдвое больше. И это только потому, что там полностью соблюдается технология — от подготовки поля до первичной переработки. У нас же до таких тонкостей пока не дошли.

Вот, например, серьезные проблемы с оборудованием. И в советское время машины

для льнохозяйств и предприятий производились не лучшего качества — они морально устаревали, не успев сойти с конвейера. А потом их и вовсе перестали выпускать. Поэтому делегация правительства Вологодской области ездила в Бельгию и Голландию смотреть их машины — видимо, придется покупать дорогую импортную технику, потому что отечественной вовсе нет.

Реанимировать льноводство имеет смысл еще и потому, что лен остался нашим единственным источником растительного волокна для прядильно-ткацкой промышленности — ни хлопок, ни джут, ни, тем более, ужасно модная конопля не растут на наших землях. Проблема в том, что все российские льнокомбинаты, выпускавшие ткани, в основном были ориентированы на экспорт. В советское время они делали больше технической продукции — тенты, брезенты, а также простынную ткань, наволочки, грубые скатерти. А ведь лен превышает хлопок по экологическим показателям — по гигроскопичности, по способу впитывания, по отдаче и сохранению тепла: зимой он тепло сберегает, летом, наоборот, сохраняет прохладу, то есть создает прослойку между телом и наружным воздухом. Разница до 15 градусов доходит. Кроме того, лен полезен и для земли — он ее очищает, вытягивает продукты распада многих веществ.

Но изделия из льна, по старой советской традиции, делают такими, что они нарушают экологию: их стирка требует много воды и химии. Поэтому ткани должны соответствовать их функциональному назначению — быть более тонкими и легкими, для чего нужна, соответственно, более тонкая пряжа. Костюмные ткани надо научиться хорошо красить, печатать, умягчать, придавать им нужные свойства — несминаемость, водоотталкиваемость и т.д. Значит, нужно научиться выпускать готовые ткани, с которыми могла бы работать швейная промышленность. Но в 1990-е годы мы были ориентированы на экспорт и обеспечили текстильную промышленность Европы, Турции, частично Америки, поставляя туда отбеленные ткани — полуфабрикат. Там эти ткани докрашивали, допечатывали, шили одежду, мы получали ее уже готовой и очень дорогой. Хорошие льняные вещи вообще дороги, их сейчас могут позволить себе немногие. Поэтому надо перевооружать производство, чтобы можно было обеспечивать финишную отделку — открывать красильные производства, цеха по умягчению, отделке. Нужно учитывать моду — чтобы ткани были покрашены в модные оттенки, нужно воссоздавать промышленную моду. В России есть хорошие кутюрье, но никто из них не занимается промышленной модой, только созданием авторских коллекций.

Вот и получается: льняные ткани хороши, да от зернышка до костюма слишком долгий путь. **15**